

Говард Филлипс Лавкрафт

Улица

(The Street)

Некоторые уверяли, что у предметов и мест есть души, впрочем, были и те кто провозглашал, что ни у мест, ни у предметов души не бывает, я же не отважусь оспаривать ни одно из утверждений, однако, расскажу про Улицу.

Мужи силы и чести основали Улицу, отважные мужи нашей крови, пришедшие из-за моря, с Благословенных Островов. По-началу Улица - лишь тропка протоптанная водоносами от лесного ручья к побережью, где скопились дома. Приезжающие в растущие кварталы люди, искали места для жилья, и строили вдоль северной стороны тропинки хижины; хижины из прочных дубовых бревен и каменной кладкой обращенной к лесу, ведь индейцы скрывались в лесу, индейцев с зажигательными стрелами. А через несколько лет люди начали селиться и на южной стороне Улицы.

По Улице прогуливались степенные мужи в конических шляпах, редко расстававшиеся с мушкетами или охотничьими ружьями. Там же прогуливались их жены в дамских шляпках и рассудительные дети. Вечерами те мужи со своими женами и детьми рассаживались вокруг огромных очагов и читали и разговаривали. Незамысловаты казались темы их разговоров, но в них черпали они мужество и добродетели, получали поддержку в покорении лесов и возделывании полей. И дети слушая, узнавали: и законы, и деяния предков, и о той славной Англии, которую дети никогда не видели или не могли вспомнить.

Разразилась война и индейцы более не беспокоили Улицу. Мужи, прилежно трудящиеся, пребывали в процветании и были столь счастливы сколь только могли себе представить. Дети росли в удобствах и с Материнской земли прибывали новые семьи, чтобы затем осесть на Улице. И дети их детей и дети новоприбывших вырастали. Городок стал городом; хижины уступили место домам - незатейливым прекрасным домам из кирпича и дерева, с каменными ступенями и с железными оградами и веерообразными окнами над дверью. В тех домах отсутствовала хрупкость, ведь строились они чтобы служить многим поколениям. Однако внутри домов извивались изящные лестницы, выступали резные каминные полки и виднелась приятная обстановка, фарфор и серебро, привезенные с Материнской земли.

А Улица вдыхала мечты молодых людей и радовалась, что ее обитатели становились элегантней и счастливей. Где когда-то была лишь сила и честь, теперь обитали вкус и ученость. Книги, картины и музыка пришли в дома и молодежь отправлялась в университет, выросший на равнине к северу. На место конических шляп и шпаг, тесьмы и белоснежных париков, ворвался стук копыт по булыжным мостовым, грохот множества позолоченных экипажей, и у кирпичных тротуаров расположились лошадиные стойла и почтовые станции.

Улицы утопали в деревьях: вязах и дубах, и благородных кленах, так что летом, Улица заполнялась нежной зеленью и трелями птичьих песен. И за домами разбились розовые сады, обнесенные стенами, с лабиринтами изгородей и полянами, где вечерами луна и звезды очаровывали благоухающие цветы, искрящиеся росой.

Так Улица спала, после войны, бедствий и перемен. Однажды, большинство молодых мужчин ушло и некоторые уже не вернулись. Тогда же свернули старый флаг и подняли новое знамя - полосы и звезды. Однако хотя люди говорили о огромных переменах, Улица их не ощущала, ведь ее жители остались те же, говорил о старых привычных вещах в старых жилищах. И деревья тихо покровительствовали певчим птицам, а по вечерам луна и звезды любовались покрытыми росой розовыми садами.

Со временем с Улицы исчезли шпаги, треуголки, и парики. Как, казалось, странны ее обитатели с тросточками, невероятными бородами и коротко остриженными головами. Новые звуки пришли издали - сперва где-то в миле, со стороны реки раздались странный грохот и визг, и затем через несколько лет странный грохот и визг раздался с другого направления. Воздух не был уже так чист, как ранее, но дух места не изменился. Кровь и души предков формировали Улицу. Но дух не измениться даже когда разрыли землю, чтобы проложить странные трубы или когда установили высокие столбы с причудливой проволокой. Слишком много древних знаний стояло на Улице, чтобы прошлое можно было легко забыть.

Затем настало время невзгод и многие жившие на Улице издавна покинули ее, и множество не живших на Улице ранее теперь поселились там - их произношение было грубо и резко, и их гримасы и лица отталкивающи. Их мысли, также противоречили мудрому, справедливому духу Улицы, так что Улица молча изнемогала, пока дома разрушались, а деревья вымирали одно за другим, и розовые сады покрывались буйными всходами сорняков и чахли. Однако Улица почувствовала прилив гордости, когда вновь замаршировали по ней молодые мужчины, некоторые из которых никогда так и не вернулись обратно. Молодые мужчины в голубых мундирах.

Со временем еще худшая судьбина постигла Улицу. Она лишилась деревьев, а на месте розовых садов разбились дворы дешевых, уродливых, новых зданий параллельной улицы. Дома еще оставались, несмотря на годы опустошений, ураганы и червей, ведь строились они чтобы служить многим поколениям. Новые лица заполнили Улицу: смуглые, зловещие лица с хитрыми глазами и странными чертами, чьи владельцы произносили незнакомые слова и развешивали на большинстве обветшалых домов вывески написанные как известными, так и неизвестными буквами. И противное, неопределенное зловоние поселилось в этих местах, и древний дух уснул.

Великое возбуждение однажды пришло на Улицу. Война и революция бушевали за морями, династии гибли, и их вырождающиеся подданные стекались с сомнительными целями к Западным Землям. Многие из них поселились в обветшалых домах, что когда-то знали птичье пение и запах роз. Однако Западные Земли пробудились и присоединились к Материнским Земле в титанической борьбе

за цивилизацию. Над городами вновь реял старый флаг, в сопровождении флага нового, и незамысловатого, но славного триколора. Но редко знамена реяли над Улицей, от того, что там жили лишь страх, ненависть и безразличие. Временами лишения. И сыновья тех юношей, прежних времен, что были одеты в оливково-коричневую форму и обладали истинным духом предков, отправлялись из отдаленных земель и не знали они ни Улицы, ни древнего духа.

За морями отгремела победа, и большинство юношей с триумфом вернулось. Однако страх, ненависть и безразличие нависли над Улицей, оттого, что многие отсиживались дома и множество чужестранцев издалека приехало и поселилось в древних домах. А юноши, что вернулись не желали более здесь жить. Темны и зловещи были лица большинства чужестранцев, правда изредка среди них мелькало лицо походившее на лица основателей Улицы, создавших ее дух. Похожее и непохожее - ведь в глазах всех жило сверхъестественное, нездоровое сияние - жадности, амбиций, мстительности или неправильно направленного усердия. Беспокорство и предательство были повсюду среди злонамеренных людей, интриговавших, чтобы нанести Восточным Землям смертельный удар, чтобы взять власть над руинами, равно как и убийцы, снабжаемые из той несчастной, замороженной страны откуда большая часть их прибыла. И сердцем заговора стала Улица, чьи осыпающиеся дома кишели чужаками, сеятелями беспорядка и по ней разносились отголоски планов, речей жаждущих назначить день крови, взрыва и преступления.

Среди различных групп собирающихся на Улице, Закон звучал громко, но мог сделать мало. С великим усердием люди с тайными значками засиживались и беседовали в булочной Петровича, в жалкой школе Современной Экономики Рифкина, в Окружном Социальном Клубе и в кафе "Свобода". Там собирались в большом количестве зловещие люди, и почти всегда их речи звучали на иностранном языке. И все же старинные дома продолжали стоять, с неся в себе забытые знания о благородных, минувших веках, о стойких колониальных арендаторах и покрытых росой розовых садах в лунном свете. Временами одинокий поэт или путешественник приходил, чтобы увидеть их, и попытаться изобразить их в свете минувшей славы, однако таких путешественников и поэтов было немного.

Слух распространялся быстро, всеохватывающий слух, что здесь, на Улице, в этих ветхих домах засели главарь огромной банды террористов, что в назначенный день начнут кровопролитную оргию дабы искоренить Америку вместе со всеми добрыми, старыми традициями, что так любила Улица. Листовки и прокламации кружились над грязными водосточными канавами, листовки и прокламации, напечатанные на множестве языков множеством алфавитов, листовки и прокламации - призывы к преступлению и революции. В этих документах люди призывались к свержению закона и добродетелей, возвеличенных нашими отцами, уничтожить душу старой Америки - душу передаваемую полутора тысяч лет Англо-Саксонской свободы, справедливости и умеренности. Шептались, что темные люди обитающие на Улице и собирающиеся в ее отвратительных зданиях - мозг ужасной революции, что раскинули нездоровые когти по трущобам тысяч городов, что по их приказу миллионы безмозглых, опьяненных созданий, бросятся жечь, убивать и разрушать пока земли наших отцов не станет. Все это говорилось и повторялось, и многие со

страхом ждали четвертого дня июля, на который странные документы часто намекали, и еще ничего не удалось обнаружить чтобы можно было вменить им в вину. Никто не мог сказать, чей арест может пресечь в истоке проклятый заговор. Много раз на Улице появлялись отряды одетой в синее полиции и обыскивали шаткие дома, хотя в конце концов они перестали приходить, от того, что они слишком устали поддерживать закон и порядок, и они предоставили город его судьбе. Тогда появились люди в оливково-коричневом, несущие оружие, казалось, что это был грустный сон Улицы, призрачное видение прошедших дней, когда несущие мушкеты люди в конических шляпах прогуливались вдоль Улицы от лесного источника к скоплению домов на побережье. Однако ничего нельзя было пока сделать, чтобы воспрепятствовать надвигающемуся катаклизму, оттого что смуглые, зловещие люди были умудрены в коварстве.

И так Улица спала тревожно, до одной ночи, когда собралась в булочной Петровича, и в школе Современной Экономики Рифкина, и в Окружном Социальном Клубе и в кафе "Свобода" и в других подобных местах огромные толпы людей, чьи глаза наполнились ужасным предвкушением торжества и надежды. По скрытым проводам передавались странные сообщения, и многие говорили, что будут передаваться еще более странные сообщения - но большинство из них останутся неразгаданными пока западные земли не будут спасены от заговора. Люди в оливково-коричневом не говорили, что произойдет, или что им полагается делать, от того что смуглые, зловещие люди были неуловимы и искусны в конспирации.

И еще люди в оливково-коричневом будут всегда помнить ту ночь и будут рассказывать о Улице своим правнукам, потому как многие из них были посланы по утрам с миссией не похожей на ту, что они ожидали. Было доподлинно известно, что гнездо анархии необычайно старо и что дома шатаются от годов невзгод, ураганов и червей, и все же картина, произошедшего той летней ночью, поражала странным единообразием. По правде, это было действительно необычайная картина, хотя, достаточно банальная. Тогда, ночью, безо всякого предупреждения, за краткий миг до полуночи, все года невзгод, ураганы, и черви привели к ужасной катастрофе, и после падения ветхих стен на Улице остались стоять только две старинные дымовые трубы и часть кирпичной стены. Никто не покинул руины живыми. Поэт и путешественник, что пришли с огромной толпой поглазеть на произошедшее, рассказали необычайные истории. Поэт говорил, что пред рассветом он наблюдал неотчетливые в ярком электрическом свете убогие руины, и там над обломками смутно вырисовывалась иная картина которую он может описать: лунный свет лился над красивыми домами, вязами, дубами и благородными кленами. А путешественник заявил, что вместо обыкновенного для этих мест зловония, он ощущал тонкий аромат цветения роз. Но не было ли это сном поэта или байкой путешественника известной своей лживостью?

Некоторые уверяли, что у предметов и мест есть души, впрочем, были и те кто провозглашал, что ни у мест, ни у предметов души не бывает, я же не отважусь оспаривать ни одно из утверждений, однако, я рассказал Вам про Улицу.

*Перевод: Thrury
1999 год*